

Неувядаемая действенность

А. БОЧАРОВ

Сколько чудесных песен было сложено советскими поэтами об уходе юноши в народную армию, о его высокой патриотической готовности защищать родную страну. А ведь «первоисточником» явилась написанная в 1918 году и популярная по сей день песня Демьяна Бедного «Проводы». Как только не уговаривает Ваню родня не ходить в армию — и «без тебя большевики обойдутся», и «пропадешь ни за что ты», и «лучше б ты женился, свет, на Арине!» — и все-таки пареня отвечает:

Будь такие все, как вы,
Ротозен,
Что б осталось от Москвы,
От Рации?

Сколько стихов написано о том, как избавляется от голода и нужды крестьянство, вступая в колхоз. А ведь предшественниками этих стихов явились знаменитые, предельно простые строки о «коммунарах» Касьяне, Емеле и Иофедке.

Нужно было обладать незаурядным талантом поэта-агитатора, чтобы в разгар гражданской войны — в 1919 году — дать сохраняющуюся на десятилетия стихотворную подпись к плакату, призывавшему к организации первых коллективных хозяйств.

Популярный поэт дореволюционной «Правды», любимый народный поэт в годы гражданской войны и в восстановительный период, Д. Бедный проложил много новых путей для советской поэзии, оказал заметное воздействие на многих поэтов. Вряд ли можно отрицать, что поэзия А. Безыменского, А. Жарова, В. Лебедева-Кумача и других формировалась под влиянием творческих приемов Д. Бедного.

Творчество Д. Бедного заслуженно популярно в народе. Более 200 его книг общим тиражом свыше 9 миллионов экземпляров издано в годы советской власти. Но вышедшее ныне пятитомное собрание сочинений имеет принципиально важное значение. Последние 20 лет Д. Бедный издавался лишь в одном томиках и небольших сборниках. И вот теперь, перед Вторым всесоюзным съездом советских писателей, перечитывая собранные воедино сочинения поэта, ясно видишь и место, и значение, и неумирающую действительную силу его поэзии.

Д. Бедный был великолепным мастером политической сатиры, воинствующих фельетонов, боевых революционных

песен, глубокой гражданской лирики, которую так любил Владимир Ильич Ленин. В своем творчестве Д. Бедный возродил традиции поэтической публицистики революционно-демократических поэтов-квартетчиков с их непримиримым протестом против деспотизма, произвола и социального неравенства, с их острым социальным чутьем, с их злым смехом над продажностью, пошлостью, обывательщиной.

И недаром первое крупное произведение русской поэзии, посвященное революционной эпохе, — стихотворная повесть Д. Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю» (1917 год), — явилось явным продолжением некрасовской традиции и прежде всего поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

В центре «Повести» также стоит судьба трудового народа, ищущего свое счастье. Перенесли в повесть и некоторые герои Некрасова. Мужик Яким Нагой — тот, что «до смерти работает, до полусмерти пьет», — приходит в революцию с сознательным призывом:

За наше дело общее,
За наше дело правое,
За дело всенародное
Постойте до конца!

Мы знаем, как удачно использовал классические образы в сатирических целях Салтыков-Щедрин. Убийственной силой разоблачения либерализма и ренегатства обладал Молчалин, Репетилов, Фамусов в «Трактористке» Щедрина. И вот теперь Д. Бедный поставил знакомый образ не в сатирический, а в «позитивный» план — и это во многом помогло «агитационному выстрелу» поэмы.

Основные главы «Повести» написаны поэтическим сказом Некрасова, насыщены вставными стихотворениями и песнями: рекрутскими, частушками, плясовыми припевами, народными песенками и аллегорическими сказками. Но «Повесть» построена на более конкретном материале, является своеобразной летописью 1914—1917 годов, и это ее новое качество отразилось на самой художественной ткани. Сочетание монументального размаха повествования с злободневной сатирой (чего стоит связка «Бодобок» или «Подха-

лимский таяец «Либердан», разоблачающий меншверистских «вождей» Либеры и Дана) явилось несомненным поэтическим новшеством.

А самое главное — в «Повести» нашел дальнейшее развитие принцип типизации, столь свойственный народной поэзии и широко примененный Некрасовым.

Путь Вани в «Повести» — типичный путь крестьянства (как, кстати, путь Ивана в «150 000 000» Маяковского — путь революционного пролетариата). Поэт, изображая своего героя, не стремится показать формирование его характера, не останавливается даже на его внешних чертах или деталях быта. Изображаемые события прямо показывают, чему они научили такого человека, как Ваня, а следовательно, и миллионы ему подобных. Перед нами возникает не характер героя, не портрет, а собирательный облик.

И это отнюдь не схематизм, не обеднение искусства, а один из приемов заострения художественного образа, совершенно незаменимый в публицистической поэзии, имеющей свою художественную ценность.

В поэме «Главная улица» поэт идет еще дальше. Не создавая отдельных характеров, он показывает столкновение «Нового хозяина» — пролетариата — со старой стервятников. Как слитная, нерасчлененная, единая в своих действиях сила выступает в поэме революционный пролетариат.

Двигутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями движутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный рудот.

Столь же нерасчлененной, единой массой встает и лагерь буржуазии, мечущийся в бешеной панике.

Так крупный, прямолинейный, нацеленный в одну точку образ активно выполняет свою благородную роль «агитснаряда».

В резкости, в остроте, в актуальности — сила и слава поэта-агитатора, поэта-трибуна. Вспомним, как высоко отозвался В. И. Ленин о стихотворении Маяковского «Прозаседавшиеся». Вспомним, как назвал «жемчужинкой» стихотворение Д. Бедного «Тяга» И. В. Сталин, как поставил он в заслугу поэту мужество, с которым тот сумел «вытащить кусок живой жизни и показать всей стране».

Но только тогда, когда это высокое мужество подкрепляется высоким мастерством, только тогда рождается подлинно актуальная поэзия, способная одинаково горячо волновать сердца людей и сегодня, и завтра, и через десятилетия.

Актуальная, злободневная поэзия имеет свои требования, свои художественные приемы, свои способы изображения действительности. Мог ли пройти Д. Бедный мимо опыта боевой, напористой публицистики революционных демократов? Конечно, нет, как не могли пройти другие поэты «Звезды» и «Правды», как не мог пройти мимо этого опыта Маяковский.

Открывая способы и формы более действительного звучания своей поэзии, поэты-демократы разработали и новые жанры (сатирические куплеты, эстрадные песенки) и новые художественные приемы. Ведь именно поэты-демократы, а не символисты и не Саиша Черный и не Игорь Северянин ввели в поэтический обиход каданбурную рифму, яркую оригинальную рифмовку и строфику, поэтические неологизмы, пародирование известных текстов. Д. Бедный не только воспринял, но и безмерно обогатил возможности «жанрового» удара: самым выбором жанра активно содействовать решению темы. Едва ли не все традиционные жанры встретим мы в его поэзии. А сколько новых оригинальных форм: «Послевыборный астрономический бюллетень», «Манифест барона фон Врангеля», «Новый завет без изъятия евангелиста Демьяна», «Барышник сон», «Политическая загадка», «Левозеровский роман».

И как ни прискорбно это замечать, современная сатирическая поэзия — да и не только сатирическая — утратила это богатство «жанрового» удара: дальше стихотворения, басни да эпиграммы наши поэты не идут.

Д. Бедный — и это его несомненное достижение — свободно владел в стихе разговорной речью. Разговорная речь — это не просто «бытовая» или «производственная» лексика, а вся структура фразы, способная гибко и послушно воссоздать интонацию живой речи. Вряд ли нужно еще раз доказывать, как великолепно передает стих Маяковского все интонационное и лексическое многообразие речи «агитатора, горлана-главаря». Стих Бедного строится на другой основе, но как свободно и легко воплощает он речь рассказчика, ведущего «беседу по душам»: то Демьяна Бедного — Мужика Вредного, то солдата Яши — Медной прыжки, то дед Софрона.

Самые разнообразные языковые средства ставил на службу агитационным задачам Д. Бедный. И, пожалуй, прежде всего нужно подчеркнуть роль поэтических неологизмов — слов, созданных для конкретного случая и именно для этого конкретного случая годящихся. Когда Д. Бедный провозглашает «чудеса Магнитостроя, всех Чудострой без конца», то слово «Чудострой», не претендуя на вхождение в общенародный

язык, прекрасно — сжато и образно! — передает мысль автора. Такие слова, возникшие для решения вполне конкретной задачи, для раскрытия определенного образа, зачастую непонятные вне связи с идейно-образным контекстом, наиболее широко применял, как мы знаем, Маяковский, но щедро использовал эту издавна существующую специфику боевой публицистической лирики и Д. Бедный — «Деникавоинн», «Иуденич», «Жестикулянты», «Корнилится и керится»; известно, как метко использовал это выражение Ленин в одной из своих статей, говоря о кадетски-корниловски-«керенской» государственности, «от которой рабочему народу в России «корнилится и керится» вот уже больше полугода».

К сожалению, и это завоевание газетного боевого стиха мало используют современные поэты.

Широко применял Д. Бедный в агитационных целях пословицу, поговорку (подлинную или сочиненную для данного стихотворения). И сейчас актуально звучит эпиграмма, написанная в конце двадцатых годов:

«Культурная», «счастливая» страна!
(Не надо называть, известна всем она.)
Для безработных в ней — недостаток

Зато в любой момент, сполна,
Есть у нее особая казна
Для душегубов и бандитов.

И насколько выигрышает эта эпиграмма, будучи предварена на газетной полосе заголовком: «Для милого дружка — сережка из ушка, или на хорошего бандита не жаль никакого кредита».

В стихотворении «Это — то, что нужно!» первый эпиграф — из передачи римского радио о том, что русские солдаты вместо кожаной обуви вынуждены в мороз ходить в обуви «из сукна» (имеются в виду валенки). И как «играет» второй эпиграф: «Ай да Бенито! Влип знаменито! (Новая итальянская пословица)».

Напрасно говорят некоторые поэты и критики, что газетный язык — самый, дескать, примитивный. Чтобы быть настоящим поэтом-газетчиком, как Маяковский, как Демьян Бедный, нужно точно, гибко, виртуозно владеть словом. М. И. Калинин справедливо назвал Д. Бедного «большим знатоком русского языка», а Горький упомянул его в числе «людей, весьма чутких к затейливой игре языка, и «словотворцев».

Рассчитанная на широкую народную аудиторию, поэзия не может не быть связана самыми прочными нитями с народным творчеством, не может не черпать из него полной мерой, не может, в свою очередь, не обогащать его.

Особенно широко использовал Д. Бедный частушку — жанр, способный быстро и метко откликаться на все события действительности. Разговорная интонация, острота высказывания, сила выражаемого чувства, умелое сочетание конкретного сатирического образа с большими обобщениями обеспечили широкое распространение частушек Д. Бедного:

«Эх, ты, горе, мое горе!
Забурлил народ, что море!»
Адмирал Колчак скулит,
Что загривочек болит.

А насколько обогащали частушки оригинальное творчество поэта! Начало известной песни «Нас побить, побить хотели!» почти дословно заимствовано из одной сибирской частушки:

Нас побить, побить хотели,
Побить собирались,
А мы сами атаманы
Того дожидались.

Такое частушечное начало большой патриотической песни не создает диссонанса, а, наоборот, сообщает всей песне задорный, боевой тон, повышает ее доходчивость. Остальные куплеты, сохраняя этот задор, развивают тему, намеченную в первой строфе.

И не отсюда ли идет опыт М. Исаковского в таких песнях, как «Лучше нету того цветку», «Тропинка», где народная частушка дает толчок, тон всей песне.

А ведь и поныне мы встречаемся с мнением, что частушка — это примитив, пусть ее, дескать, самодеятельность сочиняет. К сожалению, такие взгляды иногда отражались и на творчестве Д. Бедного. Иногда он как бы не верил в силу частушки и пытался внести в нее эстрадные элементы, различные «Фу ты! Ну ты! Вот дела!..»

Не всегда Д. Бедный находил достаточно действенные формы поэтического изображения; многое в его творчестве, особенно в 30-е годы, перестало соответствовать возросшим требованиям народа. Но, несмотря на все промахи и недостатки, Д. Бедный с полным правом говорил о первом издании собрания сочинений: «Большинство того, что собрано в моих 20 томах, это разного калибра застывшие осколки, которые когда-то были разрывным снарядом. Осколки застыли, заржавели, быть может, но они честно сделали свое революционное дело и имеют право рассчитывать на революционное уважение. Если не все, то часть их попадет не в архив, а в революционно-художественный музей и не для того, чтобы ими любовались, а чтобы их изучали, как и из чего они делались, в чем заключалось мастерство изготовления агитационного снаряда».

Собственно, в этом нечего добавить.